

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ

И. Е. Рудковская

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ В ТРАКТОВКЕ В. РОБЕРТСОНА И Н. М. КАРАМЗИНА

Ключевые слова: отечественная и английская историография XVIII в.; В. Робертсон; Н.М. Карамзин; репрезентация власти; женщины в политике

Аннотация: В статье предпринят опыт компаративного анализа представленных Робертсоном и Карамзиным портретных характеристик женщин–правительниц, в которых отразилось отношение историков позднего Просвещения в проблеме легитимности женского правления.

То внимание «к распространению и бытованию идей, а не только к их рождению»¹, которое характерно для современной науки, настраивает на выявление волн влияния, расходившихся от крупнейших исторических произведений, пересекавших государственные границы и создававших интеллектуальную атмосферу эпохи. К числу таких произведений, без сомнения, принадлежит «История государства Российского» Н. М. Карамзина, как и труды его европейских предшественников, виднейших представителей англо-шотландской историографической школы второй половины XVIII в., Д. Юма, В. Робертсона и Э. Гиббона. Произведения этих историков, известных как «Исторический триумвират Британии», являлись для Карамзина значимым образцом². В основе данного исследования — тексты исторических работ Вильяма Робертсона

---

¹ *Ретина Л. П.* Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов–на–Дону, 2006. С. 12.

² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252–254; *Рудковская И. Е.* Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. № 281. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». Март 2004 г. С. 142–148.

(1721–1793), и Н. М. Карамзина. «История Шотландии в царствование королевы Марии и короля Якова VI» Робертсона³ и «История государства Российского» Карамзина оказались поистине событиями для читателей, открывавших по ним для себя отечественную историю. Труд Робертсона, ставший первым крупным историческим произведением по истории Шотландии, был его первым историческим исследованием и увидел свет в начале февраля 1759 г. Он был встречен публикой, по свидетельству его биографов, с таким безграничным одобрением, что уже в конце того же месяца пришлось начать работу по подготовке второго издания⁴. А из-за выхода первых восьми томов «Истории государства Российского», как известно, Невский проспект опустел: все бросились читать Карамзина.

Для просвещенных современников В. Робертсона, родившегося спустя шесть лет после смерти королевы Анны, женские правления были отдаленным прошлым: короли Георги из Ганноверской династии надолго заняли королевский престол, символически представляя эпоху не только при отцах, но и при внуках и правнуках первых читателей «Истории Шотландии». Напротив, половина жизни Н. М. Карамзина пришлось на правление Екатерины II: его читатели хранили в памяти либо личные воспоминания, либо семейные предания о длительной эпохе женских правлений в России предшествующего столетия. В данной работе предпринят опыт компаративного анализа представленных Робертсоном и Карамзиным портретных характеристик женщин–правительниц, в которых отразилось отношение историков позднего Просвещения в проблеме легитимности женского правления.

Успех «Истории Шотландии» у читателей позволяет судить о востребованности детально прорисованных Робертсоном образов женщин–правительниц, главных героинь его повествования, Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор. Они, бесспорно, являются «каноническими фигурами» на фоне огромного количества лиц (включая и Якова VI), которых правомерно отнести к персонажам «второго и третьего плана»⁵. Взаимообусловленность судеб Марии и Елизаве-

---

³ *Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volumes. V. I – III. Edinburgh-London, 1819.*

⁴ *The life of Dr. Robertson // Robertson W. The works of W. Robertson. V. I. P. XXXVII–XXXVIII.*

⁵ *Репина Л. П. Указ. соч. С. 12.*

ты подтверждается структурой работы: их пути пересекаются в пяти из восьми книг «Истории Шотландии»⁶. Очевидно, было бы преувеличением утверждать, что успехом своего первого исторического сочинения Робертсон обязан лишь образам английской и шотландской королев. Значимой была сама систематизация сведений по шотландской истории, ярким было воспроизведение внутривластной борьбы, раскручиваемой политической элитой в контакте с элитами других европейских государств, интересен был акцент на балансе сил в Европе, часто нарушаемом, но подлежащем восстановлению. Тем не менее, центральной сюжетной линией было противостояние, соперничество и взаимозависимость двух женщин-властительниц. С точки зрения современных исследователей, они оказались на политическом Олимпе в эпоху ранней модернизации, которой свойственно изменение кодов гендерного сознания⁷. И сила, и слабость Елизаветы и Марии едва ли не в равной степени предопределили конкретику совершавшегося политического процесса. По иронии судьбы, сын одной из них по воле другой уже в начале следующего, XVII столетия, встанет во главе Англии и Шотландии, объединенных монаршей властью.

На страницах «Истории Шотландии» нельзя не видеть сложного взаимодействия трех временных пластов:

- ранней истории Шотландии (с древнейших времен до середины XVI столетия), заложившей те стереотипы поведения и ценности, которые определяли поведение главных героинь и их современников;
- второй половины XVI столетия (до 1603 г.), когда разворачивались события основной части книги⁸;
- середины XVIII столетия — времени создания книги.

Как отмечает Л. П. Репина, «историческая ситуация и события XVI века, и в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола и регентствующих матерей при несовершеннолетних монархах (Изабелла в Кастилии, Мария и Елизавета Тюдор — в Англии, Ма-

⁶ Robertson W. The history of Scotland. В. III–VII.

⁷ Зайцева Т. М. Королева Клод и герцогиня Сабина: к вопросу о гендерной идентичности европейской правящей элиты в эпоху ранней модернизации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23. С. 227.

⁸ Robertson W. The history of Scotland. V. II–III. В. III–VIII.

рия Стюарт — в Шотландии, Екатерина Медичи и Анна Австрийская — во Франции и др.) оставили яркий след в политической мысли этого времени». Резко негативному восприятию женского правления английскими пуританами и шотландскими кальвинистами противостояла позиция придворных авторов елизаветинского времени, предлагавших различать королеву как персону и как воплощение власти (своеобразная концепция «расщепленной идентичности» Джона Эйлмера)⁹.

Елизавета раньше Марии Стюарт появляется на страницах исследования Робертсона и позже покидает его, будучи политическим долгожителем и, бесспорно, центральной фигурой европейской политики своего времени. Сочетание осторожности и решительности, тщательного продумывания и быстрого, энергичного исполнения наложенных резолюций сделало правление Елизаветы, по словам Робертсона, замечательным¹⁰.

Правление Марии Стюарт не было первым женским правлением в Шотландии в XVI в.: ему предшествовало правление ее матери, Марии Гиз, Queen Regent, в период малолетства («minority») Марии Стюарт (1542–1560). Подводя итоги этому периоду, Робертсон признает Марию Гиз, умершую в разгар осады Эдинбурга французскими войсками, скорее инструментом, нежели причиной тех бедствий, которые обрушились на Шотландию в те годы. Ни одна принцесса, отметил историк, не обладала когда-либо достоинствами, более способными сделать ее управление знаменитым, а королевство счастливым¹¹. Это замечание можно рассматривать как признание правомерности, возможной эффективности и даже ординарности женских правлений. Наделенная пронизательностью, тактом, неустрашимая и равно благоразумная, мягкая и гуманная, но без слабости, усердная в вере без фанатизма, поклонница справедливости, но без суровости, Мария Гиз, руководствуясь интересами родной ей Франции, пришла к печальному финалу: ее правление оказалось несчастным, а имя — ненавистным¹².

⁹ Репина Л. П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 19. С. 21–23.

¹⁰ Robertson W. The history of Scotland. V. I. B. III. P. 14.

¹¹ Ibid. P. 20–21.

¹² Ibid. P. 21.

Наследница шотландского престола, Мария Стюарт, являлась на тот момент французской королевой, женой ставшего в 1559 г. королем Франциска II, человека «слабого телосложения и посредственного разума», над которым, благодаря обаянию своей красоты, Мария Стюарт приобрела полную власть. Это привело к чрезмерному вмешательству Франции в шотландские дела. Политика в целом определялась родственниками жены, а не монаршей волей, поэтому известие о смерти правителя было воспринято шотландцами с неподдающимися описанию выражениями радости¹³. В данном случае, власть слабого короля, представлена Робертсоном как непривлекательная альтернатива власти сильной женщины, которая в 1561 г. вступила на шотландский престол, покинув французское королевство, которое, по словам историка, «было единственной сценой в ее жизни, где ей улыбалась фортуна»¹⁴. С этого момента Мария Стюарт, ранее лишь изредка упоминавшаяся, преимущественно наряду с королем («King and Qween», «Francis and Mary») ¹⁵, становится центральной фигурой повествования.

Именно в связи с событиями этого переломного в судьбе Марии года Робертсон дал сравнительную характеристику личных достоинств Елизаветы и Марии, в противостоянии которых, по его мнению, не последнюю роль играла ревнивая неприязнь Елизаветы. Отмечая экстраординарные достоинства Елизаветы, Робертсон рассматривал как явные слабости ее внимание к одежде, заботливость в плане выставления напоказ своих чар, ее любовь к лести. Отсюда ощущение у Елизаветы уязвимости своей позиции, возникающее с появлением на политическом горизонте Марии: заметно уступая Марии в красоте и изяществе, хотя и значительно превосходя ее в политических способностях и в искусстве управления, она не могла не понимать, насколько Мария выигрывала от сравнения с нею, а потому завидовала ей и ненавидела как затмившую ее соперницу¹⁶. Мария же, с его точки зрения, была самой привлекательной женщиной столетия, к тому же молва о ее способностях соединялась «с благоприятным обстоятельством обладания уже одним королевством и перспективой достижения трона другого»¹⁷.

---

¹³ Ibid. P. 37, 39.

¹⁴ Ibid. P. 56.

¹⁵ Ibid. P. 25–26, 34–36.

¹⁶ Ibid. P. 54.

¹⁷ Ibid. P. 8.

Это позволило Робертсону не без иронии заметить, что не было в этот век события, сильнее возбуждавшего политические опасения и ревность, дававшего рост более противоречивым интригам, нежели замужество шотландской королевы¹⁸. Историк, проанализировав рассматривавшиеся Елизаветой различные варианты решения судьбы Марии, выделил личное влияние, красоту, манеры, страдания последней, вызывавшие восхищение и сочувствие, в качестве тех факторов, которые, помимо происхождения от их общего предка, Генриха VII, могли, как опасалась Елизавета, склонить англичан поддержать претензии Марии на английский престол¹⁹. Легитимация, таким образом, могла иметь место при наличии признаков традиционной легитимности, дополняемой харизмой претендентки. Позднее, подводя итог ее жизненному пути, Робертсон снова акцентировал внимание читателей на незаурядной красоте Марии Стюарт, подробно описав ее внешность, музыкальность, умение танцевать и т. д.²⁰, что, вероятно, должно было сделать его исторический труд более привлекательным для читающей аудитории.

Внешне в политической практике Елизаветы меньше проявлений стереотипов женского поведения. Властные полномочия, возложенные судьбой на ту и другую героиню, вынуждали их выстраивать сложную роль, основанную на непростом сочетании начал, которые воспринимались в обществе как мужские и женские, что особенно заметно в критических ситуациях, неожиданно трансформировавших привычные линии поведения. Ряд жестких решений твердо державшей бразды правления Елизаветы (арест, заточение, казнь Марии Стюарт) определялись, по Робертсону, скорее ее женской природой, а претензии шотландской королевы на английский престол использовались как повод для устранения соперницы. В этом его позиция расходилась с трактовкой Д. Юма, который в своей «Истории Англии» отметил, говоря о событиях еще только 1559 г., что, будучи информирована о претензиях мужа Марии Франциска II на английский престол, Елизавета начала рассматривать и его, и королеву как своих смертельных врагов²¹.

---

¹⁸ Ibid. P. 89.

¹⁹ Ibid. B. V., P. 260–262.

²⁰ Ibid. V. III, B. VII, P. 68–69.

²¹ *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. V. I–VIII. L., 1862. P. 309.

Более женственная Мария Стюарт, в которой Робертсон предлагал видеть «приятную женщину скорее, нежели королеву»²², проявляла в то же время в экстремальных ситуациях поистине мужское самообладание, утрачивая его в периоды относительного спокойствия. Робертсон ярко обрисовал обстоятельства последних дней, часов жизни обеих королев, отчетливо расставляя смысловые акценты. Сполна вкусившая власть, Елизавета умирала, как слабая женщина, мучительно вспоминая казненного за два года до ее смерти графа Эссекса²³. Нельзя не отметить, что особенности предсмертного поведения Елизаветы могли трактоваться и иначе: Д. Юм, например, видел в этом преимущественно следствие болезни и старости²⁴.

Смерть же Марии Стюарт, в трактовке Робертсона, была смертью королевы, всем своим поведением подчеркивавшей несправедливость лишения ее престола. Утрата власти оттеснила на второй план личные привязанности, что нашло отражение в ее последних словах, адресованных сыну, в пользу которого ее вынудили отречься. По просьбе Марии А. Мелвилл, направлявшийся в Шотландию, должен был передать Якову VI, что она не сделала ничего во вред его королевству, его чести или его правам, и что Бог простит всех тех, кто жаждал, без причины, ее крови²⁵.

Презумпция равноценности мужского и женского правления в труде Робертсона подтверждалась и анализом уходящей в глубь веков истории прецедентов, свидетельствовавших о постоянных проблемах с обретением власти, характерных и для представителей сильного пола. Подтверждением тому служили, в частности, периоды регентства при малолетних принцах, которым затем не всегда удавалось добиться усиления королевской власти (см., напр., описание «minority» Давида II, Якова II, Якова V)²⁶. В первом томе «Истории Шотландии» Робертсон акцентировал внимание читателей на том, что «из шести наследных принцев от Роберта III до Якова VI ни один не умер естественной смертью и minority в течение этого времени были дольше и чаще, нежели когда-либо случались в любом другом королевстве»²⁷. Речь в данном случае шла о

²² Robertson W. The history of Scotland. B. VII. P. 67.

²³ Ibid. B. VIII, P. 180–182.

²⁴ Hume D. The history of England. P. 352.

²⁵ Robertson W. The history of Scotland... B. VII. P. 62–66.

²⁶ Ibid. V. I. B. I. P. 35–38.

²⁷ Ibid. P. 33–34.

периоде с 1390 по 1542 гг. Таким образом, даже информация о периодах, представленных исключительно правителями-мужчинами, способствовала закреплению в общественном сознании возможного гендерного равенства в политической сфере.

О толерантности позиции В. Робертсона свидетельствует и то обстоятельство, что он не воспользовался в «Истории Шотландии» слабостями той и другой героини для формулирования вывода о преимуществах мужского правления, хотя, наступившая в Соединенном Королевстве после смерти в 1714 г. слабой королевы Анны эпоха мужских правлений, казалось бы, давала повод для подобных рассуждений. Возможно, это отчасти объяснялось политической индифферентностью королей Ганноверской династии. Подход историка — не только отражение сложившейся в Европе XVI в. практики престолонаследия, расхвалившейся с преобладавшими негативистскими теориями относительно женского правления, но и позиция, предопределенная системой ценностей человека эпохи Просвещения.

Вывод о том, что для Робертсона участие женщин в политике не представлялось экстраординарным, подтверждает и анализ текста наиболее известного его труда «История государственного управления императора Карла V». Воссоздавая обстоятельства примирения главного героя с Франциском I и отметив, не без иронии, что «две женщины вознамерились доставить Европе вожденное для нея благо», Робертсон тем не менее подчеркнул, что выступившие миротворцами Луиза Савойская и Маргарита Австрийская «обладали глубокими познаниями в делах государственных, совершенно знали тайны своих Дворов»²⁸.

Участие женщин в делах управления не было явлением исключительным и для Карамзина: выросший, сформировавшийся как личность в эпоху Екатерины II, ориентированный на достижения исследователей англо-шотландской исторической школы, трудами Робертсона показавшей возможный блеск и величие женского правления, историк в данном отношении также следовал духу и букве века Просвещения²⁹.

²⁸ Робертсон В. История государственного управления императора Карла V. Т. I. М., 1839. С. 22–23.

²⁹ Рудковская И. Е. Политический мир Древней Руси в главном труде Н. М. Карамзина // Диалог со временем М., 2006. С. 12–54.

Поскольку авторский вариант структурирования текста позволяет представить общий контур приоритетов исследователей, компаративный анализ работ В. Робертсона и Н. М. Карамзина следует начать с вариантов гендерного дискурса, выведенных на уровень оглавлений. Сопоставление получаемых таким путем данных с информацией из основного текста позволит выявить то общее и особенное, что присуще их подходам к проблеме. В данном случае представляется более корректным сопоставить структуру *главных* трудов историков, где, в отличие от «Истории Шотландии», доминируют мужские правления.

Таблицы позволяют говорить о большем внимании Карамзина к фактам рождения и, особенно в силу практики престолонаследия, смерти представительниц политической элиты. Рубрики, фиксирующие рождение или кончину в «Истории» Карамзина, характерны в основном для томов, посвященных Московскому царству с его единственной династией, в отличие от томов по удельному периоду. Вероятно, дробность политического пространства, обуславливая множественность образов женщин, принадлежавших к политически активному слою древнерусского общества, не позволила Карамзину выделить после княгини Ольги и вплоть до Софьи Палеолог тех, чья кончина воспринималась бы как социально значимое явление, достойное особой рубрики в истории государства. Робертсон же, воссоздавая изобиловавшую династиями общеевропейскую историю, считал уместным привлечь внимание лишь к тем фактам рождения и смерти, которые влияли на складывавшийся баланс сил в Европе, и которые, как в случае смерти Изабеллы, были связаны с завещанием, с проблемой наследования престола, что также нашло отражение на уровне оглавления³⁰.

Не подлежит сомнению преимущественное внимание и шотландского, и российского историков к проблеме брачных союзов. В оглавлении труда В. Робертсона один из браков (императора Максимилиана и наследницы Бургундского дома) выделен в числе трех важнейших происшествий, обусловивших «умножение связей между Европейскими народами», наряду с вторжением Карла VIII в Италию и Камбрейским союзом³¹. Что касается «Истории» Карамзина, в трех ее томах, наряду с фиксацией конкретных браков, были даже

³⁰ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. II. Кн I.

³¹ Там же. Т. I. С. XVIII.

введены обобщающие рубрики («Брачные союзы», «Браки», «Союзы и браки»), как некий итог за определенный период³². Предопределенный спецификой удельного периода рекорд был установлен в III главе III тома: здесь дважды фигурировали «Браки» и упомянут единственный брак («Княжна Евфимия за Греческим Царевичем»).

Помимо вариантов, внесенных в таблицу 2, в оглавлениях «Истории» Карамзина встречаем и единичные рубрики: «Брачное целомудрие», «Жены и дети», «Женолюбие»³³, «Древнейшее описание Княжеской свадьбы»³⁴, «Великокняжеская свадьба»³⁵. Непосредственно в тексте «Истории государства Российского» Карамзин приводил данные, знакомившие читателей с географическими приоритетами династических браков Руси. Максимум упоминаний о них (34) приходится на второй том, причем они абсолютно преобладают над браками внутри рода Рюриковичей (5).

Как следует из таблицы 3, приоритеты по нисходящей выстраивались так: Польша — 7, Венгрия — 6, Византия — 5, Германия — 4, Швеция, Норвегия, Половецкая земля — по 2, Англия, Франция, Дания, Моравия, Абхазия, Вендская держава — по 1.

Что касается брачных союзов государей с их подданными, то Карамзин отчетливо сформулировал отношение к ним, отметив, в связи с женитьбой Василия III на Соломонии, что политика такие браки осуждает, причем «особенно в Правлениях Самодержавных», так как «свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг»³⁶. Рассуждая о причинах и последствиях первого брака Василия III, Карамзин выделил и благие намерения, побуждавшие к его заключению, и его негативное отложенное влияние на судьбу России. Он предполагал, что, возможно, Иоанн III, заключая этот брак, «лучше хотел вступить в свойство с простым Дворянином, нежели с Князем или с Боярином», с их претензиями и амбициями. Но в отдаленной перспективе произошло то, чего «мудрый Иоанн не предвидел»: «сей брак, приблизив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели Царского Дома!»³⁷.

³² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., Т. II. Гл. II, VI, X, XVI; Т. III. Гл. III; Т. IV. Гл. VI, X.

³³ Там же. Т. I. Гл. III, IX.

³⁴ Там же. Т. VI. Гл. VII.

³⁵ Там же. Т. VII. Гл. IV.

³⁶ Там же. Т. VI. М., 1998. С. 204.

³⁷ Там же. С. 205.

Таблица 1. Женщины в политике
(по оглавлению главного труда В. Робертсона)

История государства императора Карла V	Т. 1 Отд. I - III	Т. 2 Кн. I - IV	Т. 3 Кн. V – IX	Т. 4 Кн. X – XII
рождение / кончина		/1		/1
браки	1	3		2
качества личности		3		
дипломатическая миссия		3		1
правление	1	2		1

Таблица 2. Женщины в политике
(по оглавлению главного труда Н.М. Карамзина)

История государства Российского	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XI I
рождение / кончина	/1					/2	/1	/2	/2	1/1		
браки	3	7	3	5	1	5	2	1	7		1	1
качества личности	1		1		2			1	1	1		2
дипломат. миссия							1		2			
правление	1											

Из текстов двух «Историй» очевидно, что, при несомненном интересе, отношении к проблеме брачных союзов у Робертсона и Карамзина заметно отличалось. Для Робертсона браки были значимы прежде всего как фактор, способствующий складыванию системы международных отношений. Карамзин же, признавая значимость таких союзов, отнюдь не считал их политическую мотивацию соответствующей этическим нормам: под 1094 годом, в рубрике «Брак Святополков», он писал, что этот князь, не имея «счастья воинского», «надеялся иным способом обезоружить Половцев, и женился на дочери их Князя Тугоркана», отметив далее, что «сей родственный союз... мог быть оправдан одною государственною пользою»³⁸.

³⁸ Там же. Т. II–III. М. 1991. С. 68.

**Таблица 3. Династические браки Руси XI — сер. XII вв.
(по материалам II-го тома «Истории государства Российского»)**

Данные о женихе / невесте из рода Рюриковичей	Данные о женихе / невесте из иноземцев
Святополк	дочь польского короля Болеслава
Ярослав	Ингигерда (Анна), дочь шведского короля Олафа
Мария (Доброгнева), дочь Владимира	Польский король Казимир
Елисавета, дочь Ярослава	Норвежский принц Гаральд
Анна, дочь Ярослава	Французский король Генрик I
Анастасия, дочь Ярослава	Венгерский король Андрей I
Владимир Мономах	Гида, дочь английского короля Гаральда
Изяслав, сын Ярослава	сестра польского короля Казимира
сестра Ярослава	польский король Казимир
Всеволод, сын Ярослава	Византийская (греческая) царица
Вячеслав, сын Ярослава	Ода, дочь Леопольда, графа Штадского (Германия)
Игорь, сын Ярослава	Кунигунда, Орламиндская графиня (Германия)
княжна российская	польский король Болеслав II
Агнесса (Адельгейда), дочь Всеволода	маркграф Штаденский (Германия)
Она же	Генрик IV, германский император
Евпраксия, дочь Изяслава	Сын польского короля Болеслава II
Святополк	дочь половецкого князя Тугоркана
Сбыслава, дочь Святополка	польский король Болеслав Кривоустый
Передслава, вторая дочь Святополка	сын венгерского короля Коломана, (Ладислав или Николай)
дочь Володаря, племянница Василька	византийский царевич (Андроник или Исаакий)
Евфимия, дочь Мономаха	венгерский король Коломан
Мария, дочь Мономаха	византийский царевич Леон
Андрей, сын Мономаха	внучка половецкого князя Тугоркана
Мстислав, сын Мономаха и Гиды	Христина, дочь шведского короля Инга Стенкильсона
Мальфрида, дочь Мстислава	норвежский король Сигурд
она же	датский король Эрик Эдмунд
Ингеборг, дочь Мстислава	король ободритов Канут Святой
третья дочь Мстислава	византийский царевич Алексей
Борис, сын Евфимии, дочери Мономаха	родственница византийского императора Мануила
князь новгородский Святополк	родственница богемского короля
Евфросиния, сестра вел. князя Изяслава	венгерский король Гейза
Владимир, сын Мстислава	дочь Бана, родственника венгерского короля Гейзы
великий князь Изяслав	княжна абазинская (Абхазия)
дочь Ярослава, князя галицкого	венгерский король Стефан III

Стоит отметить также внимание того и другого историка к несостоявшимся бракам, тем более что интерес к ним, как к самостоятельной проблеме, недавно обозначился в гендерных исследованиях³⁹. Для Робертсона значимость несостоявшихся браков, даже когда «оба Государя никогда и не помышляли об них за-правду», определялась тем, что сватовство «подало повод ко многим взаимным изъявлениям доброжелательства»⁴⁰. Как значимый элемент государственной политики, и международной, и династической, рассматривал их и Карамзин. Он вводил в достаточно пространственный нарратив, посвященный этим событиям, собственную этическую оценку происходящего, причем не только с точки зрения сиюминутной дипломатической игры, но и с позиции сложившейся практики династических браков в России и в Европе. Характеризуя намерение Ивана Грозного «еще более укрепить дружественную связь с Елизаветою» женитьбой на знатной невесте из Англии, Карамзин оставил интересные замечания, позволяющие судить о том, что для Карамзина был вполне сопоставим аморализм российского правителя и английской королевы, по крайней мере, в области матримониальных проектов. Именно об этом свидетельствует, думается, его тезис, обращенный к читателям «Истории государства Российского»:

«Дочь Генрика VIII, мужа шести жен, не дивилась, что царь, имея супругу, ищет другой; но хотела заблаговременно, торжественным договором, утвердить права будущей царицы и детей ее»⁴¹.

Иоанн же не оставил свой замысел даже в связи с рождением царевича Дмитрия, «столь несчастного для себя и России, невинного виновника долговременных злодейств и бедствий»⁴².

Если в матримониальных планах Ивана IV, согласно тексту Карамзина, преобладали виды укрепления международных связей, то в намерении Бориса Годунова «доставить счастье Ксении и выгоды государству супружеством с герцогом Иоанном» историк усматривал, прежде всего, стремление укрепить династию, «таким союзом

³⁹ Лабутина Т. Л. «Несостоявшийся брак». Матримониальные прожекты русских царей в XVI–XVII веках // Диалог со временем. Вып. 23. С. 266–281.

⁴⁰ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. III. М., 1839. С. 129–130.

⁴¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1831. С. 489.

⁴² Там же.

возвысить блеск своему Дому в глазах бояр и князей российских, которые еще недавно видели Годуновых ниже себя»⁴³. В то же время, Карамзин настойчиво повторял, что царь хотел и счастья Ксении⁴⁴, что, вероятно, следует рассматривать как признание большего, с его точки зрения, соответствия планов Бориса этическим нормам, в связи с убежденностью историка в том, что перспектива женского счастья в браке есть необходимое условие его заключения.

Акцент на этическом аспекте истории обусловил и внимание Карамзина к личностным качествам представительниц политической элиты, чье поведение, в силу особого положения в обществе, формировало модели нравственного либо безнравственного поведения. В связи с этим в оглавление вынесены свойства женщин, принадлежавших к правящей династии: «Мудрость Ольгина», «Добродетель супруги Донского», «Добродетели Анастасии», «Злонравие супруги Иоанновой»⁴⁵. В оглавлении труда Робертсона тоже встречаются определения, внешне сходные с теми, что дает Карамзин, но они, как правило, фиксируют некий процесс: «Заботливость Изабеллы о своей дочери», «Умственное расстройство Изабеллы увеличивается», «Жена Падиллы мужественно защищает Толедо»⁴⁶.

Отмеченные в структуре труда Карамзина события из области «женской» дипломатии определялись деятельностью исключительно зарубежных современниц российских княгинь и цариц — жены крымского хана Менгли-Гирея Нурсултан⁴⁷, королевы Елизаветы⁴⁸. Дипломатия последней фигурировала и в оглавлении труда В. Робертсона: историк выделил и то обстоятельство, что дружества Елизаветы ищут короли Генрих и Филипп, и «Виды Елизаветы», и то, что она «уполномочивает своих посланников вести мирные переговоры»⁴⁹.

Европейский масштаб труда Робертсона предопределил возможность включения в оглавление и совместных усилий Изабеллы и Фердинанда по распространению власти Испанских Королей, и мер Марии, направленных на то, чтобы «ниспровергнуть Протес-

⁴³ Там же. Т. XI. СПб., 1831. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 46, 56, 57.

⁴⁵ Там же. Т. I. Гл. VII; Т. V. Гл. II; Т. VIII. Гл. III; Т. IX. Гл. I.

⁴⁶ Робертсон В. История государственоваия... Т. II. Кн. I, III.

⁴⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. Гл. II.

⁴⁸ Там же. Т. IX. Гл. III, VII.

⁴⁹ Робертсон В. История государственоваия... Т. IV. Кн. XII.

тантскую Веру в Англии»⁵⁰, тогда как Карамзин обозначил в оглавлении как собственно правление только княжение Ольги⁵¹. Правда, его значимость, точнее, сам факт его существования ставился под вопрос в начальных строках восьмого тома. Карамзин, не считая нужным ввести в оглавление рубрику, посвященную правлению Елены Глинской, тем не менее подчеркнул здесь исключительность правления «юной жены и чужеземки, литовского ненавистного рода». Историк позволил себе в данном случае допустить возможность изъятия первого женского правления из отечественной истории, говоря: «если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу»⁵². Текст «Истории» свидетельствует, тем не менее, о том, что полуполюгендарное правление той, которую он буквально через несколько строк назвал «бессмертной супругою Игоря»⁵³, оценивалось им выше, чем все предшествовавшие мужские правления, ибо «Великие Князья до времен Ольгиных воевали: она правила Государством»⁵⁴ и «мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами»⁵⁵.

Говоря «может иногда», историк признавал, скорее, проблематичность закрепления феномена женских правлений на Руси в силу специфики положения женщины в традиционном славянском обществе, где жены считались «совершенными рабами»⁵⁶, а не экстраординарность женских правлений вообще. Уже текст первого крупного исторического произведения Карамзина — «Исторического похвального слова Екатерине II» — содержал свидетельства убежденности Карамзина в возможности для женщин-правительниц попасть в число тех «любимцев Неба», которые «решат судьбу человечества»⁵⁷. В «Истории государства Российского», подводя итоги кровавому царствованию Ивана Грозного, историк поставил Екатерину II, вместе с Петром Великим и подразумевав-

⁵⁰ Там же. Т. I. Отд. III; Т. IV. Кн. XI.

⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Гл. VII.

⁵² Там же. Т. VIII. СПб., 1831. С. 2. Вероятно, Карамзин неявно использовал здесь аргументацию представителей скептической школы для расширения пространства диалога с читателем в тексте «Истории».

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Т. I. М., 1989. С. 129.

⁵⁵ Там же. С. 102, 120.

⁵⁶ Там же. С. 129, 102, 120, 65.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1848. С. 275.

шимся, так как «История не любит именовать живых», Александром I, в ряд тех правителей, которых выстрадала Россия в эпоху царя-мучителя, тех, кто явился «в лучшие времена»⁵⁸.

Общий итог правления Ольги, подведенный Карамзиным, звучал афористично: «Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, История *Мудрою*»⁵⁹. В ее правлении и деятельности Карамзин выделил два периода, судя по контексту, одинаково ценные для истории: период утверждения внутреннего порядка государства; и эпоху славы ее в нашей Церковной Истории»⁶⁰.

Высота первого периода, по Карамзину, определялась тем, что, учреждая «порядок в Государстве обширном и новом», Ольга «умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святослава»⁶¹. В связи с «мстостью неумолимой», открывшей период княжения Ольги, Карамзин сформулировал один из своих наиболее значимых принципов, касавшихся проблемы личности в истории: «мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени»⁶². Самой, пожалуй, важной особенностью ее правления Карамзин считал то, что она «не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ»⁶³. Здесь, по сути, сформулирован еще один важнейший принцип, без учета которого, по Карамзину, нельзя адекватно подвести итоги тому или иному правлению, оценить реформаторскую деятельность Героев истории: принцип соответствия реформ в законодательной, управленческой сфере уровню правового, гражданского развития общества. Значимым, полагал историк, было и то, что при Ольге Россия «стала известною и в самых отдаленных странах Европы»⁶⁴.

Второй период у Карамзина оставлен хронологически открытым, поскольку, «сделавшись ревностною Христианкою», Ольга служила «убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве»⁶⁵. Историк тщательно

⁵⁸ *Он же*. История государства Российского. Т. IX. С. 503–504.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 123.

⁶¹ Там же. Т. I. С. 129.

⁶² Там же. С. 122.

⁶³ Там же. С. 129.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 130.

сопоставил в примечаниях свидетельства источников о ее крещении, о нетленности ее мощей⁶⁶, он регулярно обращался к образу княгини Ольги на протяжении всего текста «Истории». «Век Ольгин» выступал в роли некой точки отсчета⁶⁷, «послы Ольгины» оказывались актуальны в связи с ростом международного престижа государства Российского⁶⁸, гроб Ольгин упоминался как утраченный, священный для Россиян памятник⁶⁹. Особенно важными представлялись историческому событию на псковской земле, описанные «летописцем Ольгиной родины»⁷⁰: «знаменитая отчизна Святой Ольги»⁷¹, «Ольгин град»⁷² выступали в тексте «Истории государства Российского» поистине как место памяти, как символическая репрезентация исторического прошлого⁷³. Ее образ, наряду с образом Екатерины II, должен был способствовать закреплению в сознании читателей «Истории государства Российского» представления, как минимум, о возможности позитивного взгляда на проблему женских правлений.

Неоднократно упоминались в оглавлениях Софья Палеолог⁷⁴, Елена Глинская⁷⁵, Царица Ирина⁷⁶, царица–инокиня Марфа, мать царевича Дмитрия⁷⁷. Несколько раз выходили на уровень оглавлений имена представительниц политической элиты в связи с пострижением⁷⁸, есть упоминания об их заключении⁷⁹, ссылке⁸⁰ или прощении⁸¹.

Абсолютное лидерство по числу упоминаний в оглавлении принадлежит Марине Мнишек: «Путешествие воеводы Сендомирского с Мариною», «Въезд Марины в столицу», «щадят Марину»,

⁶⁶ Там же. С. 270–272, 294.

⁶⁷ Там же. Т. VI. С. 119.

⁶⁸ Там же. 128.

⁶⁹ Там же. Т. IV. М., 1992. С. 12.

⁷⁰ Там же. Т. VII. С. 45.

⁷¹ Там же. С. 20; Т. V. М., 1993. С. 193; Т. XI. С. 143.

⁷² Там же. Т. IX. С. 403.

⁷³ Репина Л. П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 23.

⁷⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. Гл. II, VI, VII.

⁷⁵ Там же. Т. VIII. Гл. I.

⁷⁶ Там же. Т. X. Гл. II, III.

⁷⁷ Там же. Т. T. XI. Гл. IV.

⁷⁸ Там же. Т. VII. Гл. III; Т. IX. Гл. I; Т. X. Гл. III; Т. XI. Гл. IV.

⁷⁹ Там же. Т. VI. Гл. VI.

⁸⁰ Там же. Т. X. Гл. I.

⁸¹ Там же. Т. VIII. Гл. II.

«Гордость Марины», «Марина и Мнишек у Самозванца», «Высокомерие Марины», «Бегство Марины», «Марина в Калуге», «Умысел Заруцкого и Марины»⁸². Учитывая резко негативную оценку, данную ей Карамзиным в тексте «Истории», можно рассматривать посвященные ей строки как своего рода этический эпицентр гендерного дискурса. Величавшаяся «саном театральной царицы», «срамная вдова двух обманщиков», которая «хотела жить или умереть царицею», в отчаянии не теряя ни ума, ни властолюбия, «бесстыдная Марина с своею поруганною красотою»⁸³ противопоставлена Карамзиным царицам, названным им истинно благоверными и добродетельными. Историк явно разделял резко негативное отношение современников происходивших в Московском царстве событий к тому, что Марина, «Польская Шляхетка», была удостоена еще до брака с Лжедмитрием царского венчания, «величия неслыханного и не доступного для самих цариц, для Анастасии, Ирины и Марии Годуновой»⁸⁴.

Анализ основного текста главного труда Карамзина, соотнесенный с его структурой, как видим, дает возможность приблизиться к пониманию смысловых акцентов, расставлявшихся историком. Основные варианты гендерного дискурса непосредственно в тексте «Истории государства Российского» систематизированы в предлагаемой таблице. Как следует из таблицы, в «Истории государства Российского» упоминания о тех или иных представительницах прекрасного пола абсолютно преобладали над сколько-нибудь развернутыми их характеристиками. Принадлежность к политической элите определяла лишь частоту упоминаний. Как правило, эти упоминания не бы ли связаны с какой-либо политической миссией, еще реже женщинам удавалось влиять на принимаемые решения.

Значимой политической миссией представлена Карамзиным деятельность матерей малолетних князей по отстаиванию их права на княжение. Карамзин отметил переговоры, которые вела мать Даниила Галицкого с Государем Венгерским, Королем Галиции Андреем, позитивно оценил ее решение удалиться «от света в тишину монастырскую» только после того, как она увидела его «уже способного править землею, обуздывать вельмож, смирать неприятелей»⁸⁵.

⁸² Там же. Т. XI. Гл. IV; Т. XII. Гл. I, II, III, V.

⁸³ Там же. Т. XII. СПб., 1831. С. 150, 315–316, 219.

⁸⁴ Там же. Т. XI. С. 308.

⁸⁵ Там же. Т. II–III. С. 417, 419, 457.

Заметным представлялся ему и вклад в становление государства Софьи Палеолог, чей ум «в самых важных делах государственных» и полезные советы имели особый вес для Ивана III⁸⁶. Царица Ирина, утвердившая «союз между царем, неспособным властвовать, и подданным, достойным власти»⁸⁷, «злым властолюбцем, коему она указала путь к престолу»⁸⁸, получила, по словам историка, после смерти царя Федора статус «дотоле беспримерный», ведь «мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти»⁸⁹. Именно она, признанная историком первой державной царицей России, «настояла решительно», «вторично велела» Борису Годунову исполнить волю народа⁹⁰.

Таблица 4. Женщины в политике в «Истории государства Российского»

Варианты гендерного дискурса в основном тексте «Истории»	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Общие характеристики положения женщин в семье	1		1			1	1			1		
Упоминания женщин в связи с династическими браками (в том числе не состоявшимися)	4	34	10	22	10	21	5	4	8		7	
Упоминания женщин в связи с браками внутри рода Рюриковичей		5	10	13	10	4	3	3		2	1	1
Упоминания (не связанные с браками) представительниц отечественных / иноземных знатных родов (династий)		29	42	32	40 /9	55 /1 9	24 /1 3	27/ 12	39/ 4	31/ 3	30/ 12	17/ 14
Упоминания о женщинах, не имевших отношения к княжеским		3	14	11	7	17	6	4	11	9	11	1

⁸⁶ Там же. Т. VI. С. 199.

⁸⁷ Там же. Т. X. СПб., 1831. С. 9.

⁸⁸ Там же. Т. XI. С. 133.

⁸⁹ Там же. Т. X. С. 241.

⁹⁰ Там же. С. 260; Т. XI. С. 6.

семьям												
Упоминания о женщинах в анализируемых средневековых текстах / как авторов текстов	2 / -	13/1	1/-	6/-	10 /-	8	2			2	1	6/1
Упоминания о женщинах как жертвах убийств/ вынужденных самоубийств			1/2		1/-	1		1	9		1	
Упоминания женщин в связи с выполнением отдельной политической миссии		4		2		1				5	2	4
Характеристики в связи с влиянием женщин на принимаемые решения			4			2				1	1	
Характеристики / упоминания в связи с самостоятельной ролью женщин в политике	1		1/1	1		1/6		2	3/3	2/8	1/6	1

Намечена Карамзиным, в связи с рождением Феодосии, дочери Федора Иоанновича, и проблема наследования престола по женской линии. Отметив, что перспективы престолонаследия стали предметом оживленных обсуждений, в ходе которых «любопытные спрашивали», должна ли Феодосия наследовать, ведь «Россия никогда не имела жен венценосных по наследию», Карамзин воспроизводит важнейшую дилемму: «не лучше ли уставить новый закон, чем осиротеть престолу»⁹¹. Однако, хотя эти «вопросы затруднительные беспокоили, как вероятно, и Годунова», прецедент был исчерпан со смертью младенца⁹², и историк предоставил читателю возможность самостоятельно размышлять над возможными решениями споров конца XVI-го столетия.

Но попытки представительниц, не имевших отношения к княжескому слою, т. е. не поставленных в ситуацию, где вмешательство в дела политические обосновывалось социальным статусом, оценивались историком иначе. Наиболее заметно это в его отзывах

⁹¹ Там же. Т. X. С. 177.

⁹² Там же.

о Марфе Борецкой, которая, «вопреки древним обыкновениям и нравам Славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая», «предпри- яла решить судьбу отечества»⁹³. Делавшая с друзьями своими «что хотела в Новгороде», она воспринималась народом как главная виновница «сей бедственной войны»⁹⁴. Ее политическая актив- ность, по Карамзину, не соответствовала политическим нормам, традициям эпохи, другими словами, не была легитимной.

С несомненной симпатией Карамзин характеризовал зарубеж- ных правительниц, которых считал действительно достойными вла- сти. Позитивно оценил историк независимость политики героини «Истории Шотландии» английской королевы Елизаветы, подчерки- вая, что «напрасно короли польский и шведский» убеждали ее «не способствовать выгодами торговли могуществу опасной России»⁹⁵. Упомянув о ее кончине, Карамзин признавал королеву «столь зна- менитой в летописях британских, достопамятной и в нашей истории долговременною приязнию к России»⁹⁶. О «славной Тамари», гру- зинской царице, знаменитой супруге Георгия Андреевича Боголюб- ского⁹⁷, он писал:

«Сия Тамарь славилась победами, одержанными ею над Пер- сиянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Историю, стихотворство, и время ее считалось зла- тым веком Грузинской Словесности»⁹⁸.

Труды В. Робертсона и Н. М. Карамзина, как видим, объеди- няет серьезный интерес к проблеме женских правлений, введение гендерного дискурса в структуру исследований, отсутствие следов гендерной дифференциации в трактовке специфики европейского престолонаследия, позитивное отношение к перспективам участия женщин в политике. «История Шотландии», как и «История госу- дарствования императора Карла V», помогала читателям осмы- слить проблему родственных связей представителей европейских династий в качестве неисчерпаемого источника внешних и внут- ренних конфликтов, независящих от личных достоинств или недос-

⁹³ Там же. Т. VI. С. 18.

⁹⁴ Там же. С. 23, 29.

⁹⁵ Там же. Т. IX. С. 154.

⁹⁶ Там же. Т. XI. С. 82.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Там же. Т. VI. С. 431.

татков отдельных их представителей или представительниц. Эту линию, опираясь на другой корпус фактов, продолжил и Карамзин.

Конечно же, как пресвитерианский священник, Робертсон не мог не видеть большей значимости проблемы религиозного противоборства по сравнению с проблемой предпочтительности наследования по мужской или женской линии. Противостояние Елизаветы как сторонницы реформированной церкви и ревностной католички Марии воссоздавалось им на фоне тех побед и отступлений, которые привнесла в жизнь шотландцев Реформация. Для Н. М. Карамзина гендерный дискурс конечно тоже не мог быть самоцелью, он — всегда в контексте трансформации отечественной государственности, и те или иные оценки причастных к политике женщин опосредованы перспективами происходивших перемен.

Отмеченные выше расхождения в подходах двух историков, представляется, были обусловлены как спецификой европейской и российской политической культуры, так и влиянием на становление Карамзина-историка этики И. Канта⁹⁹, усиленным в «Истории государства Российского» реакцией на гуманитарную катастрофу периода Французской революции, о которой он писал в «Историческом похвальном слове Екатерине II», подчеркивая, что «неописанные нещастия были жребием Франции»¹⁰⁰.

Несмотря на то, что XIX в. и в Великобритании, и в России, отмечены признанной маскулинизацией публичной сферы, «прививка» эпохи Просвещения не могла не оставить следа. Через произведения других историков, исследовавших иные политические реалии, позитивный гендерный дискурс исподволь менял систему ценностей все расширявшегося образованного общества, способствуя восприятию читателями женских правлений как нормы, как приемлемой альтернативы абсолютному преобладанию мужчин в качестве *homo politicus*.

*Рудковская Ирина Евгеньевна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социальных наук
Томский государственный педагогический университет
Тел.: 7 (3822) 52–84–04, E-mail: iri-rudkovskaya@sibmail.com*

⁹⁹ Рудковская И. Е. Идеи И. Канта в историческом творчестве Н. М. Карамзина // Историческая наука на рубеже веков. Т. I. Томск, 1999. С. 73–79.

¹⁰⁰ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 312.